СОЦ.-ДЕМОКРАТЫ
в защиту
ТЕРРОРА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
4ЧА30
С753

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

2010
У
82

К.

177
52

4-8543

4 ЦАЗО
С753

Соціалъ-демократы въ защиту террора.

„... Мы идемъ на встрѣчу новой эпохѣ революціонной борьбы въ Россіи,— борьбы, которая разыграется на болѣе широкой основѣ, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, но по ожесточенію борцовъ, по звѣрской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззавѣтной самоотверженности революціонеровъ ни въ чемъ не уступ..тъ борьбѣ прежнихъ періодовъ русскаго движенія".

К. Каутскій.- „Славяне и революція".

Мы переживаемъ теперь моментъ глубокаго революціоннаго кризиса. Накопленная за долгіе годы угнетенія и нищеты революціонная энергія массъ достигла, наконецъ, подъ вліяніемъ безработицы и голодовокъ послѣднихъ лѣтъ такого напряженія, с которое разбиваются всѣ попытки правительства запрудить вонять всѣ грозныя проявленія этой энергіи. Политика тщательнаго закупориванія всѣхъ предохранительныхъ клапановъ революціи при накаленномъ до-бѣла котлѣ народнаго негодованія можетъ лишь ускорить взрывъ, отъ котораго не останется и обломковъ самодержавія. Но чтобы использовать этотъ возможный взрывъ въ интересахъ пролетаріата, который опахтитъ его своей кровью, а не либерально-буржуазныхъ птицъ небесныхъ готовыхъ лишь собирать тамъ, гдѣ онѣ не сѣяли,— необходима сплоченная стойкая въ идейномъ и тактическомъ отношеніяхъ партійная организація всѣхъ боевыхъ силъ пролетаріата. Необходима организація, не только способная вести рѣшительный моментъ къ побѣдѣ стихійные элементы готовящагося въ нѣдрахъ народной Россіи взрыва, но и достаточно могущественная для того, чтобы властно продиктовать свои требованія на другой день послѣ революціи. Неотложность организаціонной работы соотвѣтствующаго характера уже повсюду сознана, и подготовительная теоретическая работа вездѣ начата. Для выработки принципіальной части программы такой организаціи сдѣлано уже и теперь довольно много. Превосходный въ своей научной части проектъ программы „Зари" и „Искры" остаетъ съ нашей точки зрѣнія желать очень немногаго, и мы въ общемъ вполнѣ къ нему присоединяемся, оставляя за собой право высказаться лишь противъ нѣкоторыхъ пунктовъ аграрной его части и предложить нѣсколько редакціонныхъ поправокъ въ другихъ частяхъ.] Гораздо хуже обстоитъ дѣло въ области тактическихъ вопросовъ. Такъ напр., едва ли не самый жизненный въ настоящую минуту вопросъ о терроре получилъ въ соц.-демократической литературѣ крайне одностороннюю оцѣнку. Вотъ почему въ интересахъ всесторонняго выясненія этого вопроса мы рѣшили выступить съ настоящей статьей въ защиту террора, не сходя съ той самой пролетарской точки зрѣнія, съ которой мы до сихъ поръ встрѣчали лишь рѣзко-враждебное отношеніе къ террору.

I

Считая „Искру" наиболѣе авторитетнымъ литературнымъ выразителемъ соц.-дем. тактики, а ея аргументацію противъ террора самой полной и наиболѣе серьезной, мы обязаны подвергнуть возможно подробной критикѣ взгляды на терроръ именно этой газеты. Другія изданія либо перепѣвають на разные лады искровскіе мотивы, либо проявляютъ оригинальность совершенно иного типа, аргументируя, напр., въ пользу своего безусловнаго отрицанія террора „моральными" мотивами отвращенія ко всякому насилію и т. п.* (съ такими „соц.-дем." аргументами мы, революціонеры, конечно, не можемъ считаться — увы, намъ совершенно чужда высокая добродѣтель непротивленія злу. Другое дѣло „Искра", которая „нисколько не отрицая въ принципѣ насилія и террора" (23, стр. 4) рѣшаетъ отрицательно лишь вопросъ о своевременности и цѣлесообразности его въ условіяхъ переживаемаго момента. Наши съ ней разногласія переносятся, такимъ образомъ, изъ области принциповъ въ сферу различной оцѣнки дѣйствительности и соотвѣтствія ей террористическимъ пріемамъ борьбы. Мы особенно подчеркиваемъ здѣсь авторитетное заявленіе „Искры" о признаніи ею террора пригоднымъ въ извѣстныхъ условіяхъ средствомъ борьбы въ виду того, что въ соц.-дем. кругахъ пріобрѣло „прочность предразсудка" мнѣніе, по которому терроризмъ не совмѣстимъ съ классовой точкой зрѣнія.

*) См. „Жизнь", ном. 4, стр. 188-189. Возмездіе за свое миролюбіе „Жизнь" уже нашла въ томъ заявленіи „Освобожденія" (ном. 4, стр. 102), въ которомъ либеральная газета „съ большимъ удовольствіемъ" отмѣчаетъ „свою солидарность по вопросу о „предпочтительности мирныхъ средствъ" съ этимъ „соц.-дем. органомъ". — Чтобы оцѣнить по достоинству признаніе трогательной солидарности либеральнаго „Осв." съ соц.-дем. „Жизнью" мирное настроеніе которой не только очень одобряется, но чуть ли даже не ставится въ образецъ прочимъ, зараженнымъ „доктриной соц.-дем. органамъ", достаточно вспомнить что само „Осв.", отвергая „какія бы то ни были насильственныя средства", признаетъ одинъ лишь методъ „борьбы — заявлять и заявлять", „правительству о своемъ оппозиціонномъ настроеніи (ном. 4, стр. 104) заявлять каждый разъ, повидимому, съ тѣми же оговорками что правительству такое оппозиціонное настроеніе ничѣмъ не грозитъ, что за заявленіями ничего другого, кромѣ заявленій же, не послѣдуетъ — этими политическими идеалами „правительству и интеллигенціи" намѣченная еще въ ном. 4 „Осв." либеральная программа политической борьбы, „самыми нравственно допустимыми средствами" (ном. 4, стр. 5). — Мы убѣждены, что въ „Освобожденіи" нѣтъ ничего общаго со столь „нравственными" понятіями о задачахъ борьбы и что она съ негодованіемъ возвратитъ по принадлежности выданный ей „Освобожденіемъ" аттестатъ „нравственной зрѣлости".

1-й экз.

Даже сама „Искра" как мы это увидим ниже, иногда высказывается в том же смысле, хотя она уже в 1-м номере, напоминая „Раб. Дело" установившуюся взгляды русской соц.-демократии", твердо заявляла: „Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения при известном состоянии войска и при известных условиях" [Обсуждалась при этом „Искра" и на первый проект программы русских соц.-демократов (Гр. Осв.-Тр. 1885 г.), где было сказано, что наши организации, в борьбе с абсолютизмом от частных столкновений с правительством „не замедлят перейти в удобный момент к общему на него нападению, причем не остановятся и перед т.н. террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы". „Искра" могла бы сослаться и на более раннюю программу (1883 г. Гр. Осв.-Тр.), в которой эта группа без всяких оговорок „может быть, если это окажется нужным" и т.д.], признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства". Это — „установившиеся" взгляды, но к сожалению установлены они не в рядах социал-демократов, а лишь на определенных страницах определенных программных заявлений. И вот на этих страницах, а еще более в живой речи нам твердят, что террористические акты — это средство борьбы, пригодное лишь для одиночек, но не для масс, что мы должны „неуклонно стоять на классовой точке зрения и бороться массовый характер движения", а потому работать только над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие массы [ном. 23, стр. 4].

Этот взгляд завершается принципиальным отрицанием всяких, не рассчитанных на „непосредственное участие масс, средств борьбы, как не соответствующих „классовой точке зрения". Чтоб быть до конца последовательным в этом своеобразном понимании „борьбы классов", остается лишь определить ее, как непосредственную стычку с оружием в руках дела рабочего класса со всей буржуазией. Вся деятельность соц.-демократии, как передового лишь отряда рабочего класса, как „кучки лиц" по сравнению со всей „массой", не может входить с этой точки зрения в понятие классовой борьбы, ибо не войдет „массового характера". — Устройство тайной типографии, „организаций транспорта, подготовление побегов и т.д. и т.д. — все это противоречит „классовой точке зрения, ибо не рассчитано на „непосредственное участие масс". Вот если бы в тайной типографии или транспортировке литературы принимали участие „массы", если бы из Киевской тюрьмы вместо одиннадцати революционеров бежало и „благополучно прибыло за границу" весь рабочий класс — о, тогда уж, наверно, удовлетворились бы и „блюстители массового характера движения". В сущности каждый такой „блюститель" просто напросто уподобляется близорукому наблюдателю обширного поля сражения, который, не замечая маневрирующих за прикрытиями главных сил, решил бы, прислушиваясь к отдельным выстрелам передовой цепи, что это не начало сражения, а так себе что то вроде «поединков», ибо, дескать, «немо» средственно в перестрелке массы не участвуют, а так как мы давно уже не верим в возможность решения участи сражений „единоборством", твердо зная, что определяется она лишь решительной борьбой целых армий, то... долой передовые цепи!

Пытаясь разбросать кошмар своей фантазии на близорукие „блюстители массового характера движения" и обратить их на русскую действительность — или хотя бы заглянуть в „Искру", если это нам доступнее, — мы тогда убедимся воочию, что за передовою цепью Карповичей и Балмашовых, лекторов и кочурок „в массе" буквально роется на борьбу (это ведь „масса" (стр. 4. ном. 23). — Лишь в качестве авангарда без армии теряет террор характер классового орудия борьбы. Теряет он вместе с тем, и всякое серьезное значение, но у нас, „где террористические действия „встречают горячее сочувствие в широких слоях населения" (Искра ном. 21. стр. 1.), где „все уже тащат вниз, нужна только искра и будет пожар" (это — из письма рабочего) — авангард не останется одинок. — Вот наш ответ принципиальным противникам террора из разряда „блюстителей".

К чему же, однако, сводятся наши разногласия с „Искрой", поскольку она формально не безусловно отрицает террор!

Считая систематическое применение террористических средств своевременным лишь „в момент решительной борьбы с самодержавием" [ном. 4.], „Искра" относит этот момент в „неопределенно-далекое будущее". Мы думаем с своей стороны, что как только борьба пролетариата с царизмом начнется, она не может уже быть „нерешительной". Она кончится лишь полной его победой, либо жестоким поражением. Всякия колебания и сомнения в приемах борьбы в такое военное время — прямо преступны. „А время, переживаемое нами, действительно военное время" (ном. 17, стр. 1.), борьба ведь уже кипит, и жертвы приносятся" (ном. 24). Это констатирует сама „Искра". Более того, когда речь идет не о терроре и ей не нужно аргументировать против его своевременности, „Искра" забывает о своем пессимизме и смело указывает на наличность „признаков надвигающейся революции" (№ 24.)

К числу таких признаков, „банкротства самодержавия" „Искра" называет и „банкротство его экономической политики" и „небывалый подъем общественного возмущения" и „необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей" и хроническое студенческие „беспорядки", и „непрерывно следующия одна за другой голодовки крестьян" и т.д. и т.д. [„Признаки банкротства", ном. 17.]

---

* „Искра" „предпочитает" эту „долгую и трудную работу" подготовления с результатами в „неопределенно-далеком будущем" легкому применению террористических средств. Не беря на себя смелости решать, что „лучше", мы отбрасываем вопрос о „предпочтении" одного вида работы перед другим, ибо считаем их равно необходимыми и вполне совместимыми; прибавим к этому, что ожидая плодов трудной работы подготовления революции, в противоположность „Искре", в самом близком будущем, мы вовсе не считаем, это достаточной причиной для отказа от тех средств активной борьбы, которые доступны нам уже сегодня.

„Изъ всѣхъ признаковъ приближающейся революціонной катастрофы", читаемъ мы въ №№ 21 „Искры", — „намъ до сихъ поръ недоставало только серьезныхъ взрывовъ крестьянской войны". Вспыхнувшее въ Харьковской широкое крестьянское движеніе въ южныхъ губерніяхъ заполнило этотъ пробѣлъ"... Это „такіе признаки, по которымъ знакомый съ исторіей человѣкъ безошибочно можетъ заключить о неминуемомъ и близкомъ наступленіи коренного общественнаго переворота" „...день развязки близокъ" (Крест. возстаніе — № 21). Какъ только однако дѣло коснется террора, „Искра" моментально наголову трезвѣетъ, что выбросивъ за бортъ „знакомство съ исторіей" и основанныя на ней „безошибочныя" предсказанія близкаго дня развязки, безпощадно высмѣиваетъ всякія вредныя иллюзіи" о „началѣ конца" и т. п. (№ 20). „Не переживаемъ" ли мы, твердитъ она, „не начало конца, а просто начало" (№ 20). „Терроръ никогда не можетъ стать зауряднымъ военнымъ дѣйствіемъ" (№ 4); не могутъ имъ стать и вооруженныя демонстраціи, моментъ для которыхъ „еще не настали и пока еще неизвѣстно, когда настанетъ" (№ 14), а посему въ наше „заурядное" время приходится воздержаться отъ вступленія въ открытую борьбу. „Теперь мы вынуждены ставить себѣ... болѣе скромныя практическія задачи" (№ 14). Для этого же стоитъ лишь признать, что „самымъ всеобщимъ и совершенно незавидимымъ средствомъ борьбы съ царизмомъ была и останется агитація... и организація... для дальнѣйшей... все болѣе и болѣе плодотворной и побѣдоносной агитаціи" (№ 20).

Моральнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ трезвенныхъ словъ въ моментъ, когда „борьба уже кипитъ и жертвы приносятся". Трудно повѣрить, что эта растлѣвающая душу живую проповѣдь, болѣе скромныхъ практическихъ задачъ" могла найти себѣ мѣсто на столбцахъ „Искры", той самой „Искры", которая стремится „вдохнуть духъ героизма въ рабочую массу" (№ 22). Нѣтъ, мы не завидуемъ трезвенности выраженіяхъ въ этихъ строкахъ взглядовъ. Мы вѣримъ, что „кто любитъ народъ, тотъ водитъ его подъ пушки" а не убаюкиваетъ тупорылыми напѣвами о „скромныхъ задачахъ" съ рѣшеніемъ которыхъ, лѣтъ черезъ сто, онъ получитъ свободу". — Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню. Намъ „Искра" рекомендуетъ „не увлекаясь, приспособляясь" ограничиться въ качествѣ средства борьбы съ царизмомъ" пока для другой дѣятельности „удобный моментъ не настанетъ" („и неизвѣстно когда настанетъ"), — агитаціей для дальнѣйшей побѣдоносной (?) агитаціи. — Агитація еще не борьба въ истинномъ смыслѣ этого слова, отвѣтимъ мы ей; въ лучшемъ случаѣ это подготовительный путь къ такой борьбѣ. Правда, значеніе ея огромно, поскольку она вноситъ свѣтъ сознанія и критики въ умы рабочей массы, но все же никогда „оружіе критики не можетъ замѣнить собою критики оружія". Кто не забылъ этихъ словъ нашего великаго „учителя", тому должно быть ясно, что ограничиться агитаціей для агитаціи впредь до „неповрежденно далекаго будущаго" это значитъ возложить всѣ свои упованія на знаменитое нарцисовское „кровью народной залитые троны рухнутъ когда нибудь сами собой". Вариантъ на туже тему о побѣдоносной агитаціи даетъ намъ и товарищъ Плехановъ, присоединившій къ общему хору „авторитетныхъ голосовъ" противъ террора свою высоко-авторитетную доминанту. Ратуя противъ „нецѣлесообразнаго" и даже „вреднаго" средства борьбы, т-щъ Плехановъ столь увлекается, что для „Карповича, напр. находитъ оправдывающее его вину обстоятельство лишь въ томъ, что онъ былъ „частнымъ лицомъ", внимающимъ „голосу своего нравственнаго негодованія", а не „членомъ партіи, обязаннымъ подчиняться сознательному политическому расчету" (Заря № 2-3, дек. 1901 ст. 37).

Самъ Плехановъ, не смущаемый въ качествѣ члена партіи „голосомъ нравственнаго негодованія" подчиняется лишь „сознательному расчету и полагаетъ, что въ наше заурядное время можетъ быть данъ на мучительный вопросъ „что-же дальше?" — одинъ отвѣтъ: „организоваться..." — „продолжать... агитацію... придать ей болѣе широкіе размѣры... еще болѣе широкіе размѣры... въ большей... еще большей... въ самой большей степени". (тамъ же).

Чувство „негодованія" и только это чувство будитъ въ насъ — „членахъ партіи", съ вашего позволенія, т-щъ Плехановъ — подобная расчетливость.

Какъ „въ виду" уже созрѣвшей для активной борьбы и рвущейся на активную борьбу массы, вѣдь „это ваши слова, т-щъ Плехановъ, въ моментъ, когда „всѣмъ на улицу хочется", когда „всѣ рабочіе точно керосиномъ облитые" (тамъ же, ст. 36, 31) Вы, подчиняясь какому-то удивительному „расчету" дѣлаете лишь попытки усыпить загипнотизировать ихъ повтореніемъ одного и того же слова — агитація, еще и еще разъ агитація, шесть разъ агитація... „А потомъ?" — со злобной тоской спроситъ васъ рабочій, которому уже „не кассы нужны, не кружки, даже не книжки", который требуетъ лишь у васъ — „учи, какъ въ бой итти, — какъ въ бою воевать"!

— „Время терпитъ", отвѣчаете вы ему съ невозмутимымъ спокойствіемъ человѣка, надъ которымъ не каплетъ, „объ этомъ успѣемъ потолковать и въ другой разъ" (тамъ же ст. 37).

---

*) Бѣдный Лекертъ! Какъ членъ партіи, не оставшійся глухимъ къ голосу своего нравственнаго негодованія, даже послѣ авторитетнаго разъясненія товарища Плеханова — что право на это „это составляетъ исключительную прерогативу „частныхъ лицъ" — онъ не только виновенъ, онъ не заслуживаетъ никакого снисхожденія.

Какъ бы въ поясненіе и оправданіе плехановскаго „время терпитъ" т-щъ Ленинъ въ недавно „изданныхъ задачахъ русск. соц.-дем." говоритъ слѣдующее:
„... разсуждать напередъ объ этомъ (т.е. о „пріемахъ аттаки" для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму — т.е. о томъ, какъ въ бой итти, какъ „для нанесенія рѣшительнаго удара абсолютизму" — т.е. о томъ, какъ въ бой итти, какъ въ бою воевать) — разсуждать напередъ объ этомъ и рѣшать этотъ вопросъ въ настоящее время (брошюра появилась въ свѣтъ почти одновременно съ ростовскими событіями) было бы пустымъ доктринерствомъ. Это было бы похоже на то, какъ если бы ренералы устроили военный совѣтъ раньше, чѣмъ они собрали войско, мобилизировали его, введли въ походъ на непріятеля. А когда эта армія пролетаріата будетъ неуклонно и подъ руководствомъ крѣпкой соц.-дем. организаціи бороться за свое экономическое и политическое освобожденіе — тогда эта армія сама укажетъ ренераламъ пріемы и средства дѣйствія." (Задачи Ес. 2-ое изд. 1902 г., ст. 18)
Итакъ вотъ гдѣ разгадка тому, почему наши „ренералы" на вопросъ рядового-революціонера „какъ въ бой итти" — отвѣчаютъ „время терпитъ" — они сами ждутъ отъ него „отвѣта на этотъ вопросъ.
Развѣ это, спросимъ мы, та тактика-планъ ср. ренералы, которая присуща революціонерамъ, стремящимся предусмотрѣть направленіе объективнаго процесса общественнаго развитія и построить сообразно съ нимъ свои планы? (Искра № 10, фельет.)
Развѣ это та, рекомендуемая выше, тактика-планъ Наполеона, придерживаясь которой онъ составлялъ заранѣе не только планы отдѣльныхъ „битвъ", но и планы цѣлыхъ кампаній? (ib.)
Развѣ не преклоненіе „передъ стихійнымъ объективнымъ процессомъ" — ждать, чтобы сама армія въ процессѣ борьбы указывала ренераламъ пріемы аттаки?
Но зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, — господа ренералы, — такъ бдко выемѣивали „тактику-процессъ" у неумныхъ „ренераловъ рядовъ"? (см. „Искру" № 10.), тотъ „планъ всѣмъ", который „становится на колѣни и молится на стихійность, благоговѣя „передъ созерцая заднюю" русскаго пролетаріата? (что дѣлать. стр. 81)
„Шутки прочь". Положеніе обязываетъ — напомнимъ мы вамъ слова вашихъ товарищей либераламъ „освобожденія" („Искра" № 24)
„Отъ человѣка, появляющагося на аренѣ политической борьбы, мы хотимъ довольно знать, какъ онъ думаетъ бороться". И это теперь же, немедленно: „жизнь не даетъ отсрочекъ. Если же вамъ нечего отвѣтить на запросы „рвущейся на активную борьбу массы" — то не удивляйтесь, что „ваши трезвенные „авторитетные голоса" вопреки вашимъ ожиданіямъ, „останутся, конечно, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ" рвущейся къ дѣлу борцы соціалъ-демократы не помирятся въ боевой моментъ на одной лишь просвѣтительной роли агитаторовъ-подготовителей, чѣмъ пытаются ограничить ихъ дѣятельность наши авторитеты.*
Они убѣждены, что пропаганда — доля подготовительной работы велется и уже совершена самой жизнью. Въ началѣ же активной борьбы своею главною ролью они считаютъ роль естественныхъ руководителей и застрѣльщиковъ революціонной массы; и въ выступленіи въ этой роли они не могутъ подвести „другаго разъ" въ ожиданіи того, что имъ скажетъ какой нибудь „дельфійскій оракулъ".
Они сами находятъ, нашли уже нужный отвѣтъ и „въ практикѣ докажутъ истину своего мышленія.

---

* Кстати, не будучи ихъ страстными поклонниками, мы не можемъ всетаки отказать себѣ въ удовольствіи противопоставить здѣсь всякому авторитету т-ща Плеханова, убѣждающаго насъ во вредѣ террора и всепасдющей силѣ аритаціи (для аритаціи, авторитет. надобенся не меньшаго вѣса — т-ща Плеханова, учившаго насъ, что пропаганда не устранитъ необходимости „террористической борьбы", но за то она создастъ ей новые, небывалые шансы — на долю же рабочей массы останется лишь-нетрудная задача въ рѣшительную минуту — повалить и добить раненное террористами политическое чудовище.

(Наши Разногласія, 1884.)

II.

Остановимся еще немного на сущности нашего разногласия по вопросу о „своевременности" террористических средств борьбы. – Чем определяется по мнению «Искры» «удобный» для целесообразного применения этих крайних средств момент?

«Этот момент», читаем мы в 4-ом № «Искры», «будет дан целым рядом совпавших условий, из которых имеющия самое решительное значение не зависят от воли каких либо организованных сил», лежат «вне власти действующей партии». – «Голод, эпидемия сильной экономический кризис, внешняя война и финансовая несостоятельность – вот что чаще всего наносит реакции последний удар». – Кроме этих стихийных условий для успешности применения террора «Искра» считает необходимой наличность могучей организации с «единой волей», которая-бы подготовила массы к „решительной атаке против царизма" и стала бы «передовым отрядом движения не в собственном только представлении, а в сознании всех недовольных элементов». – «При таких условиях», говорит «Искра», «систематический террор, применяемый в момент революционного кризиса, был-бы во главе которого сумели стать социал-демократы» [№ 4 «Вопросы дня»].

Из «имеющих самое решительное значение» для определения такого «удобного» момента стихийных условий у нас есть на лицо и затяжной промышленный кризис, и хроническия голодовки, и финансовая несостоятельность – если к этому присовить, что у нас имеется еще царизм с его специфическими методами лечения социального зла нагайки и пулями, то совершенно очевидной станет неизбежность того «революционнаго кризиса», который характеризуется с одной стороны «необыкновенным подъемом общественнаго возмущения», а с другой стороны тщетными потугами правительства подавить это возмущение, – если уж против него безсильны штыки и пули, хоть розгами и насилованием «целыми взводами» [№ 26] беззащитных жен и дочерей своих внутренних врагов.

Это ли не удобный момент для применения самых «незачарованных», самых крайних средств отпора, какия только нам доступны? – Однако скажет нам «Искра», – у нас нет необходимой для этого мощной партии с «единой волей». «Главная масса наших боевых сил – добровольцы и повстанцы. Постояннаго войска есть у нас лишь несколько несовершенных отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собою» [№ 4], вообще наши боевыя силы слабы и недостаточно организованы для решительной атаки царизма. – Да, это верно; с помощью одних лишь организованных нашими комитетами рабочих кружков мы не совершим революции, даже если эти кружки будут вполне мобилизованы и подчинены «единой воле». Максимум, доступный этому авангарду пролетариата, это – подготовление массовых протестов «повстанцев» и почин в нужную минуту уже организованнаго им индивидуальнаго и массоваго отпора правительству. – Но если «мы» не готовы к решительной атаке – значит ли это, что она будет отложена на «неопределенно-далекое» будущее? Разве момент «решительнаго штурма» абсолютизма определится готовностью к бою передового отряда пролетариата – организованной социал-демократии? Разве он совершится силами одного лишь этого отряда? – «Исторические моменты гораздо более вероятно», отвечает нам «Искра», «что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которыя постоянно грозят со всех сторон» [№ 4]. – И если бы было «авантюризмом» строить на этом свои расчеты в ожидании «непредвиденных» осложнений, то позволительно ли пропустить ставший уже настоящим революционный момент, разрешение которого взрывом почти неизбежно? Ведь если в такой момент наши соц.-демократическия организации не объединены «единой волей», если они тащатся в хвосте движения, отказываясь взять в свои руки выдвигаемыя жизнью боевыя средства отпора варварскому режиму, то потребность в таких средствах от этого не уменьшается, их лишь станут практиковать такия лица и организации, которыя, не чувствуя прочных связей с массой, склонны иногда, перецениваю свое значение, выступать в крайне неловкой и затемняющей классовое сознание пролетариата роли «заступников» „за весь рабочий народ" и т. п. [«Рев. Россия» № 12 – Гораздо качура к рабочим]. – И при таких условиях, скажем мы, перефразируя слова «Искры» систематический террор в момент революционнаго кризиса окажется проявлением достигшей высшаго напряжения революционной энергии того революционнаго движения, во главе которого, увы, **не сумеют** стать соц.-демократы. Ведь для удержания за собой гегемонии в революционном движении недостаточно того, что наша теоретическая программа, наши принципы по стройности, цельностности и научности превосходят все, что могут нам противопоставить непролетарския партии. Наш исторический опыт дает нам блестящую иллюстрацию того, как наши ближайшие идейные предки – лавристы, а потом чернопередельцы – оказавшись по тогдашним условиям революционной практики недействующими группами, «мертвечиной», – безследно исчезли с исторической сцены. А их место заняли более действенныя, хотя и несравненно менее научныя течения – бунтарство и народовольчество, оказавшия, несмотря на свои теоретические дефекты «самое глубокое влияние на социалистическое движение всех культурных стран» [Каутский, «Искра» № 18]. – Современной русской соц.-демократии, если бы она захотела ограничить в настоящий момент свою деятельность сферой «более скромных задач» угрожала бы участь «Черного Передела». К счастью, она не хочет и не может ограничиться этой ролью – она создает уже, правда, полустихийно, и Лекертов, и Ростовския события. Но чтобы стоять до конца во главе революционнаго движения, русские соц.-демократы должны напрячь все свои силы и привести их в соответствие с потребностями момента; они должны немедленно организоваться в единую партию с крепкой волей и ясной классовой программой и стать во главе возможнаго каждую минуту широкаго стихийнаго движения, не пренебрегая ни одним из доступных уже ныне средств организованнаго индивидуальнаго или массоваго отпора.

Медлить теперь съ этимъ хотя бы на одну минуту — прямо преступно, ибо стихійныя силы не станутъ «родить» пока мы возьмемся за дружную работу. И въ лучшемъ случаѣ за пропускъ удобнаго момента мы будемъ наказаны томительно-долгими годами ожиданія новаго революціоннаго кризиса, а въ худшемъ — намъ придется быть безучастными свидѣтелями новой эпохи еврейскихъ погромовъ (вродѣ недавняго ченстоховскаго) или иного, столь же стихійнаго разрушенія накопленной энергіи. — Съ этимъ согласится всякій, кто хоть немного вдумается въ современное положеніе вещей въ Россіи. — Лишь слѣпой не видитъ теперь, что воздухъ вездѣ уже перенасыщенъ электричествомъ. Отдаленные раскаты грома желѣзной поступи «грядущей силы» — пролетаріата и яркіе проблески молній негодованія его лучшихъ представителей — вѣщаютъ близость живительной бури. Правда, наши шансы въ предстоящей борьбѣ съ первого взгляда очень не блестящи. Передъ нами — грозная численно и стройно организованная армія царизма, готовая по одному знаку сверху сокрушить всѣ преграды и раздавить слабый своею разрозненностью мелкія партизанскія группки революціонеровъ безъ оружія, безъ вождей, безъ плана борьбы. Но картина мѣняется до неузнаваемости, когда мы глубже вникнемъ въ ея содержаніе. Во первыхъ, оказывается, что генеральный штабъ «грозной» арміи чувствуетъ себя очень плохо, сознавая, что онъ долженъ дѣйствовать въ непріятельской странѣ, въ которой ему не на кого опереться, кромѣ арміи, увы, рекрутируемой изъ туземцевъ той же враждебной страны. Во вторыхъ, и слабые по виду партизаны непобѣдимы, какъ сверилъ сь въ родныхъ горахъ и ущельяхъ, непобѣдимы именно своей неразрывной связью съ родной почвой, которая выращиваетъ все новые кадры бойцовъ, сколько бы ихъ ни гибло въ борьбѣ, питая въ нихъ то чувство непримиримой ненависти къ врагу, которое умретъ лишь съ побѣдой или вмѣстѣ съ ними самими. И вотъ «генеральный штабъ» составляетъ планъ кампаніи, расчитывая лишь на одни свои передовые башибузукіе разъѣзды, которые вихватываютъ во мракѣ всероссійской ночи отдѣльныхъ партизановъ революціи и издѣвательствами, тюрьмой и висѣлицами борятся съ неувѣренными попытками партизановъ сорганизоваться и двинуться на врага всей массой, остановить которую были бы безсильны и башибузуки, и штабъ безъ арміи. — Повидимому, однако, и партизаны начинаютъ примѣняться къ борьбѣ съ башибузуками, ограждая свои ряды передовою цѣпью охотниковъ-застрѣльщиковъ, которые, отражая нападническіе подходы непріятельскихъ разъѣздовъ, даютъ время вооружаться и сорганизовываться главнымъ силамъ, съ которыми возможнымъ не станетъ дать открытое генеральное сраженіе царизму. — Мы вовсе не склонны преувеличивать значеніе этихъ передовыхъ постовъ — самихъ по себѣ. Ихъ значеніе мы видимъ лишь въ томъ, что скрывается за ихъ спиною — въ революціонной массѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сторожевой пикетъ, охраняющій лагерь отъ нечаяннаго нападенія, можетъ, конечно, своевременнымъ выстрѣломъ въ колоновожатаго непріятельскаго авангарда обратить въ отступленіе весь отрядъ, но нельзя было бы приписывать такое отступленіе перепугу всей колоны послѣ перваго же выстрѣла. Вѣдь стимуломъ здѣсь несомнѣнно служитъ страхъ дружнаго отпора всего разбуженнаго выстрѣломъ лагеря. Правда, бываютъ случаи, когда непріятель отступаетъ въ паникѣ при стычкѣ съ такой передовой цѣпью, за которой нѣтъ вблизи никакихъ подкрѣпленій, но эта паника — результатъ ошибки, сознавъ которую, врагъ вериется и съ ожесточеніемъ, усиленнымъ сознаніемъ своей безпричинной трусости, отмститъ горсти храбрецовъ за свой позоръ. Такъ было въ 80-хъ гг. Къ счастью, это не можетъ повториться теперь, когда революціонное ополченіе слѣдуетъ по пятамъ, если не перегоняетъ даже, передовой организованный отрядъ пролетаріата. И намъ остается лишь повторить здѣсь прекрасныя слова забывшей на минуту о «скромныхъ задачахъ» «Искры»: — „Да, боевыя организаціи*) чертовски необходимы, нанести смертельные удары врагу крайне нужно" Отдѣльныя «геройческія дѣйствія», конечно, только тогда имѣютъ смыслъ, когда „совершаются на виду, въ присутствіи **) волнующейся революціонной толпы, активно поддерживающей своихъ смѣлыхъ застрѣльщиковъ" но „эта революціонная толпа уже появилась", осуществить это условіе, стало быть, возможно — и — „рвущимся на бой революціоннымъ бациллам ничего другого не остается, какъ внести свою боевую организацію и свою революціонную энергію въ эту самую толпу" (№ 25).

---

*) Говоря вмѣстѣ съ «Искрой» о „боевыхъ организаціяхъ", мы разумѣемъ группы, цѣлью которыхъ было бы не только устраненіе отдѣльныхъ, особенно вредныхъ, враговъ пролетаріата — отъ шпіоновъ до министровъ, но и организація вооруженныхъ демонстрацій, на которыхъ такія группы возьмутъ на себя инициативу и руководство сопротивленіемъ или нападеніемъ массы на полицію и войско. Такія „боевыя организаціи", сильныя своей кровной связью съ борющимся пролетаріатомъ, не будутъ, конечно, нуждаться въ организаціи рекламы съ «приговорами», «казнями» и прочими бутафорскими аксессуарами. Мы — борцы, а не судьи, и наши Балмашевы и Лекерты — герои, а не палачи.

**) Не думаемъ, чтобы «Искра» подчеркнутымъ нами словамъ — «на виду, въ присутствіи» — придавала лишь узко-буквальное значеніе. Вѣдь несомнѣнно, что выстрѣлъ Балмашева, раздавшійся изъ недоступнаго „толпѣ" дворца, пронесся, однако, по всей Россіи и, прозвучавъ громкимъ эхомъ въ груди десятковъ тысячъ революціонеровъ, тѣмъ самымъ совершенъ былъ на виду и въ присутствіи революціонной толпы. На выстрѣлъ этотъ, вызвавшій среди рабочихъ (напр. въ СПБ.) необычайный подъемъ настроенія, толпа готова была отвѣтить активно, какъ это было въ Саратовѣ и Кишиневѣ, но... но «руководители» наши еще спорили тогда — „морально" или нѣтъ убивать своихъ враговъ и, снисходительно оправдывая выстрѣлъ въ состояніи аффекта въ одного изъ нихъ, рѣшительно отрицали допустимость съ моральной точки зрѣнія систематическаго ихъ истребленія. А въ результатѣ этой морали вмѣсто призыва къ демонстраціи издавались лишь преисполненные елейнаго благородства листки, вродѣ изданнаго въ типографіи СПБ. Союза борьбы.

III.

Остановимся теперь на более частныхъ возраженіяхъ «Искры» противъ террора. Эти возраженія можно разбить на 3 типа — на историческія, логическія и психологическія. Чаще всего фигурируютъ аргументы перваго типа. — «Не пригодность» террора «ясно доказана опытомъ р[усского] революціоннаго движенія», не стоитъ работать надъ тѣмъ, что уже «осуждено прошлымъ» (№23 «Иск») [Ср. ст. Плеханова въ «Зарѣ» №2-3 стр. 36] и т. п. — вотъ ихъ обычная формулировка. До чего не научны подобныя ссылки на опытъ прошлаго, имѣвшій мѣсто въ совершенно отличныхъ отъ современныхъ историческихъ рамкахъ, можно иллюстрировать такой хоть аналогіей. Положимъ, намъ стали бы говорить бернштейніанцы, что опытъ прошлаго въ образѣ Парижской Коммуны съ отевидностью доказалъ несостоятельность теоріи Z изъ Stammbuch'а, невозможность соціальной революціи и намъ, де, остается лишь отказаться отъ революціонной фразеологіи и стать мирной партіей реформъ... Или другой примѣръ. Представимъ себѣ, что передъ «бурнымъ мѣсяцемъ» какому-нибудь экономисту доказываютъ необходимость организовать демонстрацію, а онъ въ отвѣтъ, въ качествѣ аргумента противъ своевременности ея, приводитъ печальный опытъ демонстраціи 76-го года и дѣлаетъ заключеніе о непригодности манифестацій, доказанной, дескать, опытомъ русскаго рез. движенія. Что сказала бы «Искра» въ отвѣтъ на такіе аргументы? Отевидно, она могла бы сказать, что исторія не стоитъ на мѣстѣ и что нелѣпо дѣлать выводы изъ одного опредѣленнаго факта, имѣвшаго мѣсто въ опредѣленной исторической обстановкѣ, обязательными для всѣхъ временъ и обстоятельствъ. Какая же разница между террористической дѣятельностью 80-хъ годовъ и возможной нынѣ террористической борьбой? — Да очень существенная. Тогда терроръ сталъ исключительнымъ средствомъ борьбы революціонной организаціи съ правительствомъ, теперь же террористы — «застрѣльщики общенароднаго движенія», а терроръ одно лишь изъ вспомогательныхъ средствъ борьбы. «Искра» хочетъ отвести это соображеніе тѣмъ, что не иначе ставила вопросъ о терроръ и партіи «Народной Воли», что не мышляла ея террору въ силу *внутренней логики*, присущей ему средству борьбы, быть надъ *организаціей* всякаго народнаго движенія» (№4 «Иск»). — Совершенно вѣрно, «Народ. Воля» въ постановкѣ этого вопроса была очень близка къ современнымъ сторонникамъ террора, но вѣдь для насъ не такъ важно, какъ «ставили» этотъ вопросъ тогда и теперь — гораздо важнѣе, какъ его приходилось *ставить на практикѣ* народовольцамъ и какъ онъ можетъ быть рѣшенъ нынѣ. Мы указываемъ на объективныя, лежащія въ жизни различія этихъ эпохъ — наличность въ настоящій моментъ той революціонной массы, о которой 20 л. т. н. и помину не было, а при этомъ объективномъ различіи и «внутренняя логика» можетъ и должна пойти разными путями.*)

Разсмотримъ однако подробнѣе этотъ логическій процессъ, на который такъ часто указываютъ противники террора. Вотъ главнѣйшіе изъ этаповъ этого процесса: «Наиболѣе активные, энергичные, самоотверженные люди уходятъ изъ области пропагандистско-агитаціонной и организаціонной дѣятельности, замыкаются въ тѣсномъ кругу террористической организаціи и, покидая остальную массу революціонныхъ силъ, способствуютъ ослабленію среди нихъ интереса къ будничной, неблестящей [?] работѣ среди народа. Требуя страшнаго напряженія революціонной энергіи, террористическая борьба быстро истощаетъ силы революціонной партіи» Этотъ терроръ ведетъ къ разрывомъ связи между революціонными организаціями и разрозненными массами недовольныхъ, протестующихъ и готовыхъ къ борьбѣ» [«№ 3» стр. «Иск»; ср. ст. Плеханова, «Заря» №2-3, ст. 36]. Вся эта логика списана съ эпохи «Народной Воли» и только произведена въ рангъ пригоднаго для всякихъ эпохъ способа аргументаціи противъ террора. Правда, и теперь въ терроръ будутъ уходить люди очень активные, энергичные и самоотверженные, но почему *наиболѣе* активные, почему *наиболѣе* самоотверженные? Разве для такихъ людей нѣтъ и теперь. Какъ это было 20 л. т. н., возможности широкаго приложенія своихъ силъ въ какихъ-либо другихъ, кромѣ террористической, сферахъ работы? Мы поражаемся признаніемъ работы въ народѣ «будничной, неблестящей»; мы поражаемся, какъ могутъ соціалдемократы, да еще соціалдемократы, приглашающіе «всѣми возможными средствами бороться противъ» террора, утверждать, стоя въ сравненіи съ геройской, смѣлой и самоотверженной борьбой террориста, происшедшей у всѣхъ на виду, всякая иная революціонная дѣятельность представляется *мелкой, мелочной и хлопотливой*» [№ 28 «Иск» ст. 6] Какъ работа надъ развитіемъ сознанія пролетаріата «малая и хлопотливая» можетъ быть противопоставляема борьбѣ, которая, по словамъ «Искры», «вноситъ въ ряды пролетаріата энергію, самоотверженность, духъ борьбы и сознаніе политическаго безправія и позора, причиняемыхъ ему господствующимъ строемъ» [№ 3 «Иск»]? Какъ можетъ «будничная работа» быть противопоставляема борьбѣ, которая «будитъ политическую мысль пролетаріата, организуетъ его революціонныя силы, воспитываетъ его политическую энергію, ставитъ его лицомъ къ лицу съ врагомъ, заставляетъ мѣряться съ нимъ силами въ открытомъ бою» [№ 4 «Иск»]? Какъ можетъ «будничная работа» быть противопоставляема борьбѣ, которая

ка, мелка и ничтожна! – Такъ можетъ говорить лишь тотъ, кто никогда въ ней не участвовалъ. Нѣтъ, – «сказать человѣку толкомъ, что онъ человѣкъ – на одномъ этомъ предпріятіи можетъ изойти кровью сердце. Дать человѣку возможность различать справедливое отъ несправедливаго – для достиженія этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъясненія громадны и почти неприступны но за то какіе изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывнаго горенія существованіе! Ъ ! Щедринъ]. – Если эта работа ведется и не у всѣхъ на виду – она могла бы отъ этого показаться мелкой и ничтожной развѣ какимъ нибудь чистоплюямъ ничтожествамъ. – Впрочемъ, очень наивно утверждать и о террористической дѣятельности, что происходитъ она у всѣхъ на виду. – На виду у всѣхъ только самый легкій, самый простой «выходъ – спусканіе курка; но вся кропотливая, подготовительная работа, все то, что должно предшествовать террористическому «выходу», чѣмъ онъ приметъ лишь окончательно свое реальное рѣшеніе – развѣ это кто нибудь видитъ? Съ другой стороны и «работа въ народѣ» не во всѣхъ своихъ моментахъ скрыта въ подпольи. Развѣ ораторы ростовскихъ митинговъ были не у всѣхъ на виду? Неужели и такая работа въ народѣ можетъ быть названа «будничной, не блестящей»! Неужели для организаціи политической демонстраціи «выступленія на ней инициаторомъ вооруженнаго сопротивленія, быть можетъ, даже пролога къ революціи, – требуется меньше энергіи и самоотверженія, чѣмъ для террора? – Нѣтъ, терроръ же вырветъ сознательныхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ лицъ изъ рядовъ организаторовъ и руководителей массового движенія и не ослабитъ работы въ массахъ. Вспомнимъ, что говоритъ тов. Ленинъ въ своей брошюрѣ «Что дѣлать» тѣмъ «хвостистамъ», которые волнуются, что для работы «во всѣхъ классахъ населенія» у насъ еще не хватило бы силъ: «Теперь въ движеніе, читаемъ мы тамъ, «втянута гигантская масса силъ... Одинъ изъ основныхъ политическихъ и организаціонныхъ недостатковъ нашего движенія, – что мы не умѣемъ [курсивъ Ленина] занять всѣ эти силы, дать всѣмъ подходящую работу... Громадное большинство этихъ силъ совершенно лишено возможности «итти къ рабочимъ», такъ что объ опасности отвлечь силы отъ нашего основного дѣла не можетъ быть и рѣчи» [стр. 65-66]. Этотъ отвѣтъ хвостистамъ заключаетъ всю свою силу и въ нашемъ случаѣ, ибо для «тѣсной» по собственному признанію «Искры» террористической организаціи, не хватается, конечно, больше силъ, чѣмъ для пропаганды и агитаціи во всѣхъ классахъ населенія. «Истощеніе» силъ въ самой террористической борьбѣ теперь тоже «не можетъ быть и р...». Какъ извѣстно, партія «Народной Воли» захватывала въ свои ряды всего на всего около 500 человѣкъ, и вѣдь ея не было никакихъ революціонныхъ резервовъ. Немудрено, что эта кучка лицъ могла въ концѣ концовъ истощиться. Не то теперь. Плеве ужаснулся, узнавъ, что за одинъ годъ, предшествовавшій выступленію его на постъ министра административныхъ высылокъ по рабочему дѣлу произведено было, считая и высланныхъ на родину стачечниковъ – до 60.000. Это число, если оно даже очень преувеличено, достаточно характеризуетъ ту объективную разницу, которая отдѣляетъ нашу эпоху отъ эпохи «Исполнительнаго Комитета». Почему же террористическіе пріемы борьбы «отсѣкали бы революціонеровъ отъ массы, штабъ отъ арміи» [«Заря» №2-3, стр. У]? Не потому ли, что террористическіе пріемы борьбы требуютъ конспиративности «заговорщицкаго»-типа организаціи, въ какіе «массовика» не упрячешь? Подобныя опасенія возникали еще недавно у экономистовъ по поводу организаціоннаго плана Ленина, и ихъ очень зло за это высмѣивали въ «Искрѣ». «Говорятъ ...еще» – писалъ о нихъ же рабочій въ 14 №№ – «будто «Искра» заговора хочетъ, а имъ сейчасъ страшно стало, вѣдь массовика въ заговоръ не упрячешь, а ну, какъ онъ озлится и плюнетъ на нихъ; вояки тоже!» [стр. 2]. Въ отличіе отъ такихъ «воякъ» мы не боимся что на насъ плюнетъ массовикъ, но въ «заговоръ» его не пригласимъ. Политическія организаціи при царизмѣ не могутъ, по нашему крайнему разумѣнію, ставить своей задачей – охватить возможно болѣе широкіе слои рабочей массы. Достаточно, если мы будемъ удерживать ее въ сферѣ нашего вліянія, повышая ея сознательность и руководя ея активными протестами. Вотъ почему мы вполнѣ согласны съ тов. Ленинымъ, что «было бы величайшей наивностью бояться обвиненія въ томъ, что мы, соц.-демократы, хотимъ создать заговорщицкую организацію. Эти обвиненія должны быть такъ же лестны для каждаго врага экономизма, какъ и обвиненія въ «народовольчествѣ» [стр. 104]. – Но, можетъ быть, штабъ будетъ оторванъ отъ арміи какъ разъ вслѣдствіе того, что террористическими пріемами борьбы партія оттолкнетъ отъ себя сочувствіе массъ, потеряетъ вліяніе на нихъ, ибо, дескать, наши массы не дорослиі еще до сознательнаго пониманія «минувшей» необходимости террора самими проклятыми условіями русской жизни? На это мы могли бы возразить, – Мы не принадлежимъ къ сторонникамъ теоріи стадій, которые сводятъ свое «оппортунистическое», говоря словами тов. Мартова, «пониманіе реализма въ политическомъ и социальномъ движеніи... къ отрицанію законности всѣхъ грѣховныхъ, идущихъ далѣе сознанія широкихъ народныхъ массъ въ данное время» [«Заря» №2-3, стр. 197]. Но и эти сторонники едва ли смогутъ отрицать, что уже теперь очень широкіе слои рабочей массы почувствуютъ терроръ и сами выдвигаютъ своихъ лекторовъ. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ парламентскихъ формъ выраженія недовѣрія правительству, выстрѣлы Карповичей и Балмашевыхъ являются невѣжливымъ, но корректнымъ вотумомъ къ отсутствію этихъ формъ. Эти выстрѣлы были своеобразными вотами недовѣрія режиму Богомоловыхъ – Сипягиныхъ, и эти воты, несмотря на всѣ ихъ нечленораздѣльность, поняты были всѣми цивилизованнымъ міромъ не хуже любой громовой рѣчи Бебеля. Да и самъ Бебель въ русскихъ условіяхъ не могъ бы удовлетвориться словесными лишь громами – это онъ открыто выпустилъ съ Либкнехтомъ признавъ въ своемъ извѣстномъ Заявленіи 1899 г. «Если бы Германія», говорили они, «жила подъ гнетомъ же деспотизмомъ, какъ Россія, мы не преминули бы выступить на путь дней 1-го марта». – И не только цивилизованный міръ вѣрно истолковалъ лаконическія рѣчи не снабженныхъ объяснительными надписями револьверовъ Карповича и Балмашева. Ихъ вѣрно долженъ былъ понять даже тотъ темный пріисковый рабочій «на берегахъ пустынныхъ водъ», который, по выраженію Витьма, который постигъ уже на личномъ опытѣ, что если при нашихъ порядкахъ буржуазія для охраны своихъ интересовъ съ успѣхомъ апеллируетъ ко голому Habeas Corpus'у своей мошны, то у рабочаго для защиты своихъ гражданскихъ правъ и своего человѣческаго достоинства есть лишь одинъ Habeas Corpus – «нашъ габесъ корпусъ» – винтовка.

Возобновите въ своей памяти образъ урядника Скуратова изъ очерка Аяксова въ №4 „Зари", который донимал[ъ] [ссыльного] Жилкина до того, что противъ него пришлось примѣнить „лишь габель корбовъ", [т]о [е]сть [ш]ашку. Вспомните Жилкина, какъ его донималъ Скуратовъ, — онъ крестъ золотой съ шеи [с]рывалъ, новую найденную сидѣлъ... Пущай, потому его сила. Такъ нѣтъ же ему извергу этого мало: бѣлъ мучительства онъ какъ пѣнница безъ вина, не можетъ пройтись. Трое ихъ было. Раздѣли до гола, уточкой связали, бить бьютъ, чѣмъ попало; потомъ давай по снѣгу катать, какъ колиду. Только тогда и отпустили, когда почти что замерзать сталъ"... Ну, достаточно ли этихъ строкъ, спросимъ мы, чего-то болѣе широкаго, чѣмъ случайный эпизодъ. Не просвѣщаетъ ли этотъ урядникъ Скуратовъ нашего всероссійскаго урядника, который вмѣстѣ со своими шпіонами и [ш]піонками донимаетъ народъ грабежомъ его до послѣдней надѣвашки, потому что ихъ сила, не болѣе того, немыслимо обойтись безъ [з]лоупотребленій, какъ пѣнница безъ вина, и терзаютъ и позорятъ все живое и честное въ своемъ участкѣ, дабы и каждому напоминая, что нельзя пренебрегать въ борьбѣ съ такими „извергами" и „нашимъ габелемъ корбовымъ" — намъ остается еще остановиться на аргументахъ психологическаго характера. Изъ нихъ особенно [на]стойчиво выдвигаются два: 1) терроръ дѣйствуетъ на психику самихъ террористовъ, на только увлекая ихъ [за]тѣмъ [пр]ямодушнымъ осязательнымъ эффектомъ, повышеніемъ общественнаго настроенія, что они начинаютъ отрицать [ц]ѣнность иной дѣятельности и 2) онъ дѣйствуетъ на психику революціонныхъ массъ, понижая ихъ активность, на томъ основаніи, что разъ мы знаемъ, что тотъ или другой возмутительный актъ не остается безнаказаннымъ, что для этого существуетъ особая сила, мы невольно оставляемъ мысль о собственномъ непосредственномъ протестѣ и даже [с]лѣдующемъ моментѣ, когда долгъ мстителя суровый, чтобы заступиться за весь рабочій народъ.

[К]акое же значеніе имѣютъ эти соображенія? Психологія, какъ извѣстно, очень сложный музыкальный инструментъ, на которомъ можно играть съ одинаковымъ успѣхомъ [по]добнымъ, но и въ мажорномъ тонѣ, говоря иными словами — психологія палка о двухъ концахъ, ее можно брать и за тотъ и за другой. Кто не помнитъ какъ [по] „Братьяхъ Карамазовыхъ" въ картинѣ [съ]ѣзда Митенькою, прокуроръ и за[щ]итникъ сказали двѣ блестящія психологизмомъ рѣчи, [к]аждая изъ нихъ уничтожающія. Обратившись къ даннаго случаю мы можемъ сказать слѣдующее. [Ре]волюціонеръ-террористъ, конечно, не [ст]ремится больше, чѣмъ кто другой, заинтересованъ въ успѣхахъ массовой аитаціи, но его революціонные акты для него самого пріобрѣтаютъ цѣну лишь постольку, поскольку они вызываютъ подъемъ общественнаго настроенія. Извѣстно, что Карповичъ настойчиво пытался узнать отъ своего защитника, какъ отнеслось къ его выстрѣлу русское общество и, конечно, не [у]зналъ того его значенія до роли студенческаго протеста, если бы ему сказали правду о настроеніи рабочихъ и вообще всѣхъ классовъ населенія. Впечатлѣніе отъ террористическаго акта гремъ сильнѣе три прочихъ, равныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ шире аитаціонно-организаціонная работа партіи, его [т]еррористъ, даже вполнѣ [с]пеціализируясь въ своей сферѣ дѣятельности, не можетъ не желать возможно [ш]ирокой дѣятельности революціонеровъ во всѣхъ другихъ сферахъ и [н]икто не можетъ умалять значенія этой другой дѣятельности.

Что касается психики массъ, то и здѣсь, легко усмотрѣть не то, на что указываетъ „Искра". Вѣдь [в]ѣдь массовику не мести нужна, ему необходимо облегченіе его каторжной жизни, а она послѣ выстрѣловъ не дѣлается сноснѣе. Удовлетвориться, значитъ, этими выстрѣлами онъ не могъ бы даже при всемъ желаніи. Онъ не можетъ подобно какому нибудь [р]азмарченному интеллигенту [л]ежать на пустой груди ненужныя руки въ тайнѣ лучшихъ дней: его жизнь наполнила его грудь негодованіемъ, а его трудовыя руки рвутся къ борьбѣ, чтобы дать выходъ этому негодованію. Лишь неумѣлости въ своихъ силахъ, лишь неумѣнье сразу ориентироваться и найти своего истиннаго врага, на котораго слѣдуетъ направить удары удерживаютъ его въ пассивномъ состояніи. Но достаточно одного энергическаго удара, чтобы массовикъ, т.е. [с]редній рабочій, „бѣдный" въ уязвимости врага и [с]ильницей [с]роки при поднятаго настроенія, какому уже ничто не помѣшаетъ вылиться въ дѣйствіе — будь то на студенческой демонстраціи при стычкѣ съ [по]ліціей, будь то на [об]ухов[с]комъ заводѣ во время стачки и т.д. [Ор]ганизація [ем]ей очень [по]можена. Если [мы] не можемъ построить такой схемы, въ которую укладывались бы психика [ка]ждаго [ра]бочаго, [на] основаніи которой можно было бы дѣлать неопровержимые выводы, то что [ес]ть [ис]тинное мерило, чтобы *опровергнуть* [вс]ѣ [ис]тины, [пр]иложимую той или другой схемѣ. Имѣетъ намъ это мѣрило-факты — говорятъ, что даже въ эпоху „Народной Воли", когда для увлеченія терроромъ, какъ исключительнымъ средствомъ борьбы, были особенно благопріятныя условія, самые видные террористическіе практики во время процессовъ, т.е. резюмируя свое общественное credo, отводили терроръ скромную роль одного изъ средствъ борьбы и рѣшительно заявляли отъ своемъ [не]согласіи [Желябовъ] съ террористами-теоретиками, [пр]описывавшими этой формѣ [е]ѣ „ роль единственнаго средства [Морозовъ]. Это по поводу перваго пункта. Что касается втораго пункта — пассивности массъ, какъ результата терроризма, то намъ достаточно лишь вспомнить выстрѣлъ Карповича, прозвучавшій въ атмосферѣ времени-подавленнаго настроенія студенчества и ни въ чемъ еще не проявившагося, хотя уже приподнятаго кризисомъ настроенія рабочихъ. И вызвавшій въ этой атмосферѣ, какъ [г]ремучая спусковая сила, разряжающая [г]рандіозное напряженіе заряда, какъ искра, [бр]осающая въ порохъ, — событія „бурныхъ мѣсяцевъ" — достаточно вспомнить одинъ лишь этотъ примѣръ, чтобы усумниться въ справедливости общаго утвержденія „Искры" о психологическомъ дѣйствіи террора на массы.

Л.

…говора объ «отдѣльныхъ единицахъ» «Искры» о терроръ, мы разумѣемъ терроръ практикуемый … индивидуальному партизанскому … «прекраще… …ства идейныхъ оппонентовъ выз… необходимостью и будетъ … …ъ … лѣтъ … и извѣстнаг… …ой необходимости», … …ъ … …ъ … …ъ

Съ такимъ взглядомъ, очевидно, согласна и «солидарная» съ гр. «Южн. Раб.» «Искра», но крайней мѣрѣ она не сдѣлала къ этому мѣсту никакихъ оговорокъ. – Что касается «Бунда» то, какъ извѣстно, онъ отвѣчающимъ ему Лекерта обстоятельствъ и раньше не подыскивалъ, а теперь, когда по инициативѣ Центр. Ком. Бунда 5-ая конференція его представителей приняла резолюцію съ «организованной мести» – ставить его [illegible] «Уральскому Союзу» приходится намъ, а не «Искрѣ». Кстати, комичнѣе упоренія, что «Бундъ» вступилъ на «опасный, ложный путь», что новая тактика грозитъ ему «постепенно потерять всякое общеніе съ массами и обречь эти массы на бездѣйствіе» [№26] и т.д. и т.д. Не потерялъ ли бы онъ вчерѣ общенія съ массами, не признавъ своимъ выдвинутаго рабочей массой народнаго героя Лекерта? Признавъ же необходимость въ извѣстные моменты Лекертовъ допустить ихъ гибнуть безъ поддержки организаціи – значило бы «проповѣдывать... анархическія обрядъ дѣйствія... въ руку Ег. Плеве и ихъ присныхъ», чего никому не рекомендуетъ дѣлать и «Искра». [№ 25] – Къ сожалѣнію, именно въ этомъ приходится упрекнуть и самое «Искру», и всѣхъ тѣхъ соц.-демократовъ, которые прямо или косвенно признавая цѣлесообразность и неизбѣжность отдѣльныхъ стихійныхъ актовъ мести «за свой страхъ и рискъ», увотребляютъ всѣ усилія, чтобы не допустить перехода ихъ изъ этой анархической стадіи въ организованную форму борьбы подъ высшимъ руководствомъ и контролемъ партіи. Такое предпочтеніе стихійной формы движенія сознательной планомѣрной работѣ, кустарничества – организованности, такую «защиту стачечности» – можно было бы объяснять той косностью, свойственной всякой организаціи, приноровившейся къ опредѣленному роду и темпу дѣятельности" которой тов. Кричевскій объясняетъ въ своемъ «Историческомъ поворотѣ» отношеніе экономистовъ къ демонстраціямъ и пр. – Но мы должны къ сожалѣнію, констатировать наличность болѣе глубокой причины. – У «Искры», какъ мы это уже видѣли выше, замѣчается, лишь только рѣчь зайдетъ о терроръ, особенное пристрастіе къ трезвенности, особенный пессимизмъ въ оцѣнкѣ нашей дѣйствительности. Это – тотъ самый пессимизмъ, который по справедливому указанію «Искры» и былъ той почвой, на которой произросъ нашъ дряблый, безпомощный хвостизмъ. «На мѣсто вѣры въ близость рѣшительной битвы съ самодержавіемъ выступаетъ увѣренность въ томъ, что для очень долгаго періода дѣятельности борцовъ рабочаго движенія можетъ сводиться только къ будничной работѣ за частичныя улучшенія положенія рабочаго класса» ... Вотъ какъ формулируетъ этотъ пессимизмъ экономистовъ «Искра» [№ 4, стр. 2]: на мѣсто вѣры въ близость рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ выступаетъ увѣренность въ необходимости ограничиться впредь до неопредѣленно-далекаго будущаго лишь «самой скромными практическими задачами» агитаціи для дальнѣйшей агитаціи – такъ резюмируемъ мы пессимизмъ «Искры».

Не съ терроромъ, а съ этимъ пессимизмомъ должна бороться всѣ, кому дороги интересы русской революціи – интересы русскаго пролетаріата. – Этотъ пессимизмъ и только онъ лишаетъ борцовъ того энтузіазма и вѣры въ собственныя силы, безъ которыхъ никогда не совершалось ничего великаго. – Лишь въ атмосферѣ этого пессимизма могли родиться полныя глубокаго трагизма слова одного изъ симпатичнѣйшихъ нашихъ революціонеровъ старшаго поколѣнія объ умершей красавицѣ – русской революціи. «Одни находятъ что-то» – говоритъ онъ – «что слѣдовало бы измѣнить въ ея лицѣ, другіе въ подбородкѣ, носѣ; а и одни, и другіе упускаютъ, кругомъ слѣпые, словно не видятъ существеннаго, именно того, что красавицы нашей не достаетъ жизни: и что не въ носѣ тутъ дѣло и не въ бровяхъ, а въ живомъ духѣ, который стлетѣлъ, но который украшалъ ее когда-то всѣ эти недостатки и дѣлалъ ее красавицей. Поколѣнія бы мы ни придумывали теперь измѣненій и улучшеній – все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего ей недостаетъ и чего – увы! мы не въ силахъ ей больше дать; ибо кто же въ силахъ вдохнуть въ трупъ живую душу?» [Дебагорій-Мокріевичъ. Воспоминанія. Вып. третій 1890 стр 518-519].

Нѣтъ мы не поддадимся такому пессимизму; нѣтъ, такіе факты какъ ростовскія событія извлекаютъ его него и наиболѣе трезвенныхъ «дятловъ-любителей истины»; нѣтъ, не умерла красавица русская революція, скажемъ мы эпигонамъ пережитой революціи она лишь на мигъ, обезсиленная борьбой, склонилась къ землѣ, чтобы, какъ миѳическій Антей почерпнуть изъ этого источника непреодолимую силу пролетарской борьбы и задушитъ наконецъ своего ненавистнаго врага – абсолютизмъ. – Да, мы идемъ на встрѣчу новой эпохѣ революціонной борьбы въ Россіи, – борьбы, которая разыграется на **БОЛѢЕ ШИРОКОЙ ОСНОВѢ, ЧѢМЪ ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ**, но по сжатости своихъ борцовъ, по звѣрской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззавѣтной самоотверженности революціонеровъ не въ чемъ не уступитъ борьбѣ прежнихъ періодовъ русскаго движенія. – Такъ воскликнемъ же вмѣстѣ съ Лассалемъ: „мы достаточно знаемъ, что такое нашъ абсолютизмъ, а потому прочь всякія колебанія, прочь всякую нерѣшительность. Загорло его и колючо ему на грудь!»

Сознавая, что наша статья страдает многими дефектами изложения, как вследствіе спѣшности работы, такъ и просто потому, что мы не литераторы, имѣя въ виду кромѣ того, что посвященная она главнымъ образомъ критикѣ взглядовъ соц.-демократовъ — противниковъ террора, мы считаемъ не лишнимъ дополнить ее сжатой формулировкой нашего положительнаго взгляда по этому вопросу. Вотъ она.

Закономѣрное развитіе нашего революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ неизбѣжно ведетъ соц.-демократію къ признанію необходимости и цѣлесообразности внесенія въ ея тактическую программу въ числѣ другихъ средствъ борьбы съ абсолютизмомъ и организованнаго, планомѣрнаго террора.

Подъемъ общественныхъ настроеній, созданный безработицей и голодовками съ одной стороны и правительственными репрессіями съ другой, не могъ не вылиться въ разныхъ формахъ дѣйственнаго протеста.

Психикѣ наиболѣе возбудимыхъ элементовъ революціонной среды въ условіяхъ русской жизни наиболѣе соотвѣтствующей формой такого протеста является путь политическихъ убійствъ, и они не могли не вступить на него вопреки даже всей безусловно отрицающей терроръ теоретической атмосферѣ момента.

Протесты этихъ застрѣльщиковъ революціоннаго взрыва, сопровождаемые единственно имѣющими возможными формами массоваго протеста — всякаго рода манифестаціями, готовыми иногда перейти въ вооруженное возстаніе, усиливая съ одной стороны правительственный терроръ — создаютъ съ другой — въ высшей степени благопріятную атмосферу для укрѣпленія террористическихъ настроеній въ революціонной средѣ.

Въ этой атмосферѣ всеобщаго сочувствія и сознанія необходимости неотложнаго отпора такимъ орудіямъ водворенія «порядка», какъ висѣлицы, пули, нагайки, розги, желтый билетъ — новые борцы-террористы выступаютъ уже не подъ вліяніемъ одного лишь непосредственнаго чувства, а съ яснымъ сознаніемъ цѣлесообразности своихъ протестовъ, являющихся въ сущности лишь симптомами высшаго напряженія революціонной энергіи.

Внутренняя логика террористической борьбы, — возрастающая осторожность правительства и связанная съ этимъ необходимость создавать все болѣе сложные террористическіе планы — затрудняя кустарническія попытки террористической борьбы, спонтанно толкаетъ активные элементы изъ сторонниковъ этого метода борьбы къ объединенію для совмѣстной планомѣрной работы.

Систематическій же терроръ поскольку онъ вызываетъ и сопровождается сочувствіемъ и активной поддержкой массъ и поскольку онъ уже тѣмъ самымъ содѣйствуетъ работѣ надъ развитіемъ ихъ классоваго самосознанія — пріобрѣтаетъ характеръ орудія классовой борьбы пролетаріата, а въ качествѣ такового не можетъ не войти въ тактическую программу соц.-демократіи.

И тогда, руководимый сильной своими корнями въ рабочей средѣ партіей, онъ пріобрѣтаетъ значеніе не только могучаго средства отпора насильникамъ и подъема настроенія, незатронутыхъ еще агитаціей массъ, но въ качествѣ показателя высоты напряженія революціонной энергіи пролетаріата, онъ явится и однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ дезорганизаціи правительственнаго механизма и залоговъ близкаго крушенія абсолютизма.

Декабрь 1902.

ЛЕНИНИАНА

177
32

Ц.-8543